

Константин Поповский

Фрагменты и мелодии

16+

Константин Поповский

Фрагменты и мелодии.
Прогулки с истиной и без

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Поповский К. М.

Фрагменты и мелодии. Прогулки с истиной и без /
К. М. Поповский — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Кажущаяся ненужность приведенных ниже комментариев – не обманывает. Взятые из неопубликованного романа "Мозес", они, конечно, ничего не комментируют и не проясняют. И, тем не менее, эти комментарии имеют, кажется, одно неоспоримое достоинство. Не занимаясь филологическим, историческим и прочими анализами, они указывают на пространство, лежащее за пространством приведенных здесь текстов, - позволяют расслышать мелодию, которая дает себя знать уже после того, как закрылся занавес и зрители разошлись по домам. И то и другое очевидно свидетельствует, - в меру своих слабых сил, - что приведенные тексты не являются ни литературными притчами, ни вольными фантазиями. В первую очередь, эти тексты описывают Реальность, – разумеется, в той мере и полноте, с которыми сама эта реальность выговаривает себя, снисходя к нашей глухоте и ограниченности.

© Поповский К. М., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

1.	6
2.	7
3.	8
4.	9
5.	10
6.	11
7.	12
8.	13
9.	14
10.	15
11.	16
12.	17
13.	18
14.	19
15.	20
16.	21
17.	22
18.	23
19.	24
20.	25
21.	26
22.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ведь мы, быть может, только спим.

Да, только спим, пока мы в мире

Столь необычном, что для нас –

Жить значит спать...

Кальдерон. «Жизнь есть сон».

*Не забывающему и не прощающему обид праведному Ахаву, чей образ тревожит меня
многие годы.*

1.

СЛЕПОЙ ОЦЕНЩИК. Философия – слепой оценщик, оценивающая наши мысли, дела и судьбы, в результате чего одни из них выставляются в ярко освещенных витринах, тогда как прочие (а их значительно больше) оказываются в помойном ведре, откуда их уносят на свалку. Рассказывают, что очень давно ангел-хранитель подбросил ему его же собственные глаза, но он с негодованием отшвырнул их прочь. Если это так, то нам следовало бы спросить у самих себя: правда ли, что выставленное оценщиком на всеобщее обозрение, имеет ту цену, которую ему обыкновенно приписывают, а не попавшее на витрины никуда не годится? Отчего не наоборот? Разве можно доверять тому, кто не решился довериться собственным глазам? И вообще: нужны ли нам оценщики? Мало того, что времена меняются и то, что когда-то было в цене, нынче не стоит и ломаного гроша, – тогда как прейскурант цен остается прежним. Гораздо хуже, что мы позволяем решать за нас, что нам нужно, а что нет. Разве не способны мы сами оценивать и сами выбирать, тем более что дело идет о нашей собственности? – Лишний вопрос. Мы так привыкли верить слепой правоте оценщика, что, кажется, уже давно и прочно позабыли, что же нам действительно нужно. Да и только ли позабыли? Не скрывается ли здесь еще и другое? Разве, вверяя оценщику свою судьбу, мы не отдаем себе отчет – как в подлинной ценности его услуг, так и в причинах нашего нежелания отказаться от них? Пожалуй, можно перечислить не одну причину, благодаря которой мы продолжаем прислушиваться к его наставлениям. Но я назову только одну. Ведь отказаться от его услуг значило бы признать (или, по крайней мере, допустить), что мудрость, вероятно, следует искать не где-то на небе, а на мусорных свалках, истины же добываются не в библиотеках, а в грязи и нечистотах, – к тому же не чужими, а своими собственными руками. – Стоит ли развивать эту антигигиеническую тему дальше?

2.

И все же в поисках истины ничуть не меньшее значение, чем сама она, занимает, вероятно, то место, где ее надеются отыскать. Мало кто отважится лезть за истинами в грязь или болотную жижу; большинство из нас уверены, что источники любых истин следует искать в стерильных лабораториях, надежно защищенных даже от пыли. – Не правда ли странная черта? Так, словно гигиена значит для философии больше, чем сама Истина, которая, в конечном счете, может оправдаться в ее собственных и в наших глазах только через гигиену. – Право же не следует думать, что сказанное относится к одной только средневековой теологии или к классической метафизике.

3.

Но почему я говорю «вероятно» там, где следовало бы отбросить все сомнения, – ведь очевидное так очевидно? Может быть потому, чтобы самому не превратиться в творящего неправый суд слепца? Похоже, что так. Но разве это не будет означать, что придется вообще отказаться от каких бы то ни было оценок? Пожалуй, и это верно. В таком случае, еще один вопрос: что лучше – отказаться от оценок или же лишиться зрения? Ибо кто же усомнится, что глаза судящего всегда подернуты катарактой?

Кто или что может избавить нас от этой невыдуманной апории, не только сохранив нам зрение, но и вернув способность судить и оценивать? – Разве что наши выпачканные грязью руки, да еще то безобразное, приходящее всякий раз, когда мы торопимся прокричать о своих находках, подозрение, что найденные в мусорных отходах истины не нужны никому, кроме разве тех, кто их нашел.

4.

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ. Вот он идет мне навстречу – старый учитель, которого знают все от мала до велика. Нет никого, кто бы ни поклонился ему при встрече, нет ни одного дома, где бы он не был желанным гостем. Да и как может быть иначе? Взгляните: сколько благородства в его выцветших от времени глазах, сколько мудрости скрывает этот изрезанный морщинами лоб! Когда он начинает говорить, кажется, смолкают даже птицы. Правда я слышал, что он скуп и живет со своей экономкой. Но даже если это правда, то что, в конце концов, значат мелкие человеческие слабости по сравнению с той пользой, которую он приносит нам каждый день?

Я помню, что когда меня, еще совсем ребенком, привели однажды к нему домой, он усадил меня к себе на колени и спросил: что считаю я в жизни самым важным? Не сомневаясь, я отвечал, что это, разумеется, ванильные пряники и марципановые ватрушки. Тогда он пре-
большо высек меня, и когда стихли мои вопли, сказал:

– Нет ничего более важного и высокого в жизни, чем Истина и Долг.

Лицо его при этом было задумчиво и прекрасно.

С тех пор, каждый раз, когда я слышу слова «Истина» или «Долг», перед моим мысленным взором возникают вымоченные в соленой воде розги. И если я вижу, что кому-то грозит порка, то немедленно вспоминаю, что на свете существуют такие удивительные вещи как «Долг» и «Истина».

5.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ. Философия, пожалуй, самая чистоплотная особа на свете. Помилуйте! Она даже не подозревает, что в мире существуют такие вещи, как свалки нечистот и отхожие места. Велика ли важность – отхожее место? Но откуда нам это знать а priori? Задача философии, в конце концов, выяснить все, в том числе, разумеется, смысл и значение отхожих мест. И вот вместо этого она воротит от них свой нос и закрывает глаза, делая вид, что их просто не существует. Скажут, что философия только послушно следует туда, куда ведет ее Истина. И верно! Чистоплотная Истина, целомудренная Истина, окрашенная в розовое и голубое, – разве не она требует от нас чистоты в качестве необходимого условия своего собственного познания? Однако приглядимся: эти розовые тона – не чахоточный ли румянец? А эти манящие голубые блики – не синюшные ли это пятна, которые не скрыть никакими притираниями? Истина больна, – всякая Истина больна – той загадочной и странной болезнью, которой боги наградили когда-то фригийского царя: все, до чего бы он ни дотронулся, немедленно превращалось, как мы помним, в золото. Не то же ли и с Истиной? К чему бы она ни притронулась, чего бы ни коснулась, все тотчас же обращается в ликующие песнопения и цветущие сады. Здесь кроется разгадка и философской чистоплотности: философия вовсе не отворачивается от отхожих мест, – она превращает их в сады и розарии, точно следуя тому, чего требует от нее Истина. Это, конечно, болезнь, метафизическая болезнь, ничуть не менее опасная, чем болезнь Мидаса. И, подобно тому, как обращенный в золото хлеб не спасает от голода, так и преображенный в розарий мир ничуть не в состоянии избавиться от грязи и нечистот, которые по-прежнему не только пугают, но и манят нас, хотя бы уже тем, что они существуют наперекор Истине и помимо нее. Впрочем, грязь и нечистоты остаются на наше полное усмотрение. Потому-то вольно или невольно мы всегда вынуждены выбирать между двумя или даже тремя «или», не сомневаясь при этом, что, сколько ни выбирай, а все останется на своих местах: и Истина, ничего не желающая знать о грязи, и грязь, не желающая обращаться в цветущий жасмин, и, наконец, наша загадочная неспособность не только выбирать между реальностью и иллюзией, но, зачастую, просто отличать одно от другого. Похоже, что последнее тоже есть своего рода болезнь, метафизическая болезнь.

6.

Приснившийся накануне нового дня сон был не из приятных. Толпа голых людей, заполнивших улицы и площади, веселая толпа галдящих мужчин и женщин с похожими лицами, жестами, улыбками. Некоторые из них показывали на меня пальцами. Они смеялись, перешептывались и презрительно пожимали плечами. Вероятно, их возмущало то, что я был одет. Наконец, один из них сказал: – Мы сожгли нашу одежду, чтобы праздновать наше последнее освобождение. Отчего бы тебе не последовать нашему примеру? Или он не убеждает тебя? Разве не получили мы все, о чем только могли мечтать? И эту священную наготу, и эту свободу, приносящую нам свои бесценные дары? Не для этого ли мы проделали такой долгий путь? – И верно: куда бы ни бросал я взгляд – везде он упирался в эти бесценные дары: мускулистые ноги, голые ягодицы, проступающие сквозь кожу позвонки и ребра. Давно не мытая и дурно пахнущая плоть, напоминающая о неизбежной смерти. – Теперь мы свободны и ничто не заставит нас вернуться назад, – продолжал говорящий, протягивая ко мне руки. – Сними это и стань одним из нас.

Я видел, что толпа готова вот-вот наброситься на меня, но что-то подсказывало, что эта одежда, которой я никогда не придавал особого значения, лучше всякой брони защитит меня не только от этой толпы, но и от самой смерти, уже давно распорядившейся в этом мире, как в своем собственном доме.

7.

– Мы хотим только одно – знать истину, – говорит судья, и от этих слов подсудимый бледнеет и опускает глаза.

– Я хочу знать истину, – уверяет зрителей актер, выходя на подмостки.

– Я хочу знать истину, – шепчет в своей комнате смертельно больной.

– Они хотят знать истину, – улыбаясь, говорит профессор, поглядывая на своих учеников,

– Мы хотим знать истину, – шумят базарные торговки.

– Разумеется, и мы тоже, – прицениваясь и толкаясь, отвечают домашние хозяйки.

Что делать мне среди этой толпы, на тысячу ладов распеваящей слова своей нехитрой лжи? Если я промолчу, на меня наденут бумажный колпак с бубенцами и под свист и улюлюканье отведут в тот мрачный дом на краю города, откуда не возвращался еще никто. И вот мои губы начинают шептать, сначала тихо, а потом все громче и громче:

– Я хочу знать истину...

Пройдет совсем немного времени, и я сам поверю той лжи, на которую согласилась моя напуганная душа.

8.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ.

– Сожалею, но ваши взгляды на этот предмет крайне неосновательны.

– Зато ваши противоречат себе на каждом шагу!

Боже, что за чудесные комплименты раздают здесь, – подумал я, прислушиваясь к спорщикам. – И что это, должно быть, за удивительные взгляды, полные волшебной неосновательности и божественных противоречий, от которых захватывает дух и кружится голова! Нельзя ли и мне...

Но два глухих продолжали нападать друг на друга в полной уверенности, что самое скверное, что может приключиться с человеком – это путаться в противоречиях и быть уличенным в неосновательности.

9.

Пора домой, пора возвращаться, – сколько раз я слышал эти слова! Разве не они тревожат меня с тех пор, как я научился слушать? Каждая вещь, и здесь и за окном, твердит мне об этом, хотя сам я спрашивал их совсем о другом. Пора возвращаться, – говорит мне и это небо, и этот далекий горизонт, и твое лицо; прислушайся, говорят они, – настало это время, время расставаний. Ведь мир – это только возвращение, могут ли быть у него другие дела? А значит и у нас не может быть другой надежды, кроме этой. И верно: если что-то и зовется этим словом, так ведь только это – пора возвращения.

Но прежде чем отправиться по этой единственно возможной из всех возможных дорог, разве не спрошу я об этом: что же я делал здесь, в царстве вечной Осени и безмолвной Печали? Неужели я был здесь только затем, чтобы ждать, и ждал лишь затем, чтобы вернуться? Пусть так. Но нет ли в этом возвращении чего-нибудь, что могло бы пригодиться мне дома? Будут ли там сниться мне эти «здесь» и «теперь»? – Смешные вопросы! Ведь все они принадлежат этому возвращению, так стоит ли принимать их в расчет? – Правда, у меня есть и другая тревога: ведь, похоже, я ничего не знаю не только о том, откуда я иду, но и о доме, куда возвращаюсь. Расставание с тем, что не должно иметь в моих глазах никакой цены, ради того, чтобы обрести желанный очаг, о котором молчат даже мои сновидения, – не это ли заставляет меня тревожно прислушиваться и подозревать, быть может, наихудшее? Не значит ли это, что если в действительности что и существует, так только это возвращение, не знающее ни того, что было, ни того, что ожидает впереди, и уж тем более – ни того, что есть – Возвращение, не умеющее вернуться, не знающее возврата?

10.

МАЛЕНЬКАЯ И НАГЛАЯ ИСТИНА. Истин много, чрезвычайно много. Но факт этот вовсе не причина для радости. Скорее наоборот. Необыкновенное число истин тревожит и беспокоит. Ведь сколько не прибавляй к этому Монблану истин еще и еще, сколько не громозди одну гору на другую, – а все будет мало. Иногда даже начинает казаться, что чем больше истин мы находим, тем их становится меньше. Или, вернее, чем больше истин мы узнаем, тем сильнее одолевают нас сомнения в их истинности. К тому же нам нужна не эта или та истина, и даже не эти или те истины, а Истина с большой буквы, – последняя, ясная и всёсвязующая Истина, разговаривающая с нами на нашем собственном языке. Составляют ли наши Монбланы истин такую Истину – об этом можно даже не спрашивать. Может быть, теория, согласно которой Истина есть совокупность всех существующих истин, и может кого-то утешить, но к действительности она имеет точно такое же отношение, как и все прочие теории подобного рода. В лучшем случае нам дано наблюдать совокупность отдельных, непересекающихся друг с другом рядов истин. Но еще больше – тех, которые ни в какой совокупности вообще участвовать не желают, – истин, с удовольствием противоречащих друг другу, поедающих друг друга и друг друга ненавидящих, истин с хорошим аппетитом и острыми зубами. Впрочем, если и все истины вдруг окажутся совокупны и составят, наконец, одну единственную Истину, то, как знать, не появится ли сразу вслед за этим какая-нибудь маленькая истина с наглой физиономией, на которой мы прочитаем явное желание наплевать и на всю совокупность истин и на каждую из них в отдельности? – Одного этого предположения (которое тоже ведь есть своего рода маленькая истина, – хотя бы по одному тому, что нельзя, как не старайся, доказать обратное) кажется достаточным для того, чтобы от чаемой гармонии не осталось и следа.

11.

ЦАРСТВУЮЩАЯ ИСТИНА. Истина царствует? Никакого сомнения. Но не стоит забывать, что помимо этого она еще хихикает, плюется, скалит зубы, капризничает, играет с нами в прятки, свистит, когда ей этого хочется, быть может, даже испражняется или совокупляется с себе подобными или, скорее, все же с себе неподобными истинами. Она подмигивает, прихорашивается, говорит глупости, скандалит и флиртует; но самое главное, Истина лжет, лжет на каждом шагу, даже тогда, когда она говорит правду, – может быть больше всего именно тогда. При всем том, Истина остается Истиной; она повелевает нами, простыми смертными, которым в силу прирожденной слепоты дано слышать только ее царственные повеления. И хотя смертные тоже хихикают и лгут, но можно ли сравнить свободную и вдохновенную ложь Истины с тем обезьяньим, годным лишь для обезьяньих ушей языком, на котором мы обманываем и себя, и других? Ведь по самой своей природе наш убогий язык способен вмещать только правду. Оттого язык божественной лжи также похож на наш, как язык Гомера на крики и сопение павиана. Правда, время от времени мы имеем возможность убедиться, что валаамова ослица – не такая уж и редкость на нашей земле. Вдруг то там, то здесь, среди моря косноязычной правды, поднимаются фантастические и иллюзорные островки лжи. Не потому ли Истина так снисходительна к философам, что они, в отличие от прочих, обладают потрясающей и редкой способностью лгать, – способностью позаимствованной, конечно же, у самой Истины, – лгать, забывая всякий стыд и отдаваясь этому с вдохновением, достойным корибантов?

12.

Если всегда (или почти всегда) мы сами предпочитаем необходимости свободу, то есть ли у нас основания отказывать в этом Истине? Истина всегда пребывает вечно и неизменно? Чудесно, – и пусть себе и дальше пребывает в неизменности, когда ей этого хочется. Ну, а когда не хочется? Ведь, по правде говоря, с пребывающей Истиной мы встречаемся только в философских трактатах, где она, и в самом деле, ведет себя некоторым образом, как пребывающая. Ну, а в других местах? За столом, в лесу, в любовной игре, в ненависти или печали, – разве не в свободе сталкиваемся мы с ней лицом к лицу, и разве не сама она свободна выбирать, явиться ли ей перед нами вечно пребывающей или одержимой, сумасшедшей, лживой, с целомудренным ли выражением на челе или с искривленным сладострастием ртом?.. Быть может, наше желание запереть Истину в границах необходимого – это только свидетельство нашей жажды властвовать и повелевать, которая не хочет делиться ни с кем и ни с чем. Если это так, то уместно спросить: так ли уж мы далеки от Истины, как привыкли думать? И не платит ли она нам в ответ тем же самым?

13.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ НАШЕГО ПОЗНАНИЯ. Если бы мне вздумалось вдруг заявить, что в общении со шлюхами я приобрел истины значительно более приятные, чем те, которые мне удалось почерпнуть сидя за книжным столом, меня, возможно, легко пожурили бы, указав, что по невежеству ли или из-за невнимательности я соединил два несоединимых понятия. Ибо кто же не знает, что Истина и удовольствие две вещи несовместимые.

Тем большее удовольствие доставил бы мне случай утверждать, что в общении со шлюхами я приобрел истины не только более приятные, но и более истинные, чем те, которые не желают знать ничего, кроме собственной истинности. – Но кому же придет теперь охота отчитывать меня за непочтительное отношение к святым святым? Все обожатели истины знают, что есть вещи, которые лучше не замечать.

14.

Претензии философии осветить все сущее и не-сущее в их незыблемом Порядке и Единстве, остаются, увы, и сегодня не больше, чем претензиями. Отчего так? Ведь Единство и Порядок, наверное, совсем не так уж и плохи. Возможно, и познание также не такая дурная вещь, как это часто кажется. Возможно, все дело, и правда, в нашей неспособности и нашей ограниченности, мешающих нам подобрать к нужной двери ключ? Впрочем, не следует ли взять в расчет и другое? Кто знает, быть может, существует множество вещей просто не имеющих никакой охоты, чтобы их познавали, не желающих жить в трогательном единстве со всеми прочими, а в особенности с нами? Вещей, которых начинает тошнить от одной мысли о «всеобщей связи всех явлений» или об истине, как главном источнике нашего знания. Пока не будет доказано обратное, будем считать, что философия – только одна из великого множества игр, в которые играет с нами Истина. Не больше, но, возможно, – и не меньше. Теряет ли она от этого свою ценность или, наоборот, заново приобретает ее, – судить об этом я предоставляю другим.

15.

БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ. Вот, пожалуй, самое несерьезное дело на свете – быть серьезным. Ведь слишком большая серьезность, как правило, чаще всего незаметно, оборачивается своей противоположностью. Оттого большинство инстинктивно придерживается золотой середины.

Следует ли нам заключить отсюда, что серьезное – несерьезно, а в несерьезном, напротив, кроется величайшая серьезность? Такой вопрос свидетельствовал бы только о чрезвычайно серьезных намерениях спрашивающего. Я же только хотел еще раз подать свой голос в защиту обратной.

16.

МАГИЧЕСКИЙ КРУГ. Не потому ли в мире существует столь неприлично большое число самых разнообразных суждений по поводу каждого предмета, что мы никогда не в состоянии повлиять на то, о чем мы судим? По-настоящему следовало бы иметь не мнения о вещах, законах и событиях, а власть над ними. Точнее, только те оценки и суждения могли бы считаться истинными, которые вытекали бы из нашей воли и деятельности. Только тогда мы могли бы быть вполне ответственными за них, и не бояться суждений, противоположных нашим собственным. В действительности же, мы вечно пребываем в страхе быть опровергнутыми, а вместе с тем, мы и не слишком крепко держимся за наши собственные суждения, ибо все, что мы знаем доподлинно об их объектах, это то, что они существуют, ничуть не заботясь о том, что мы о них думаем. Эта чужая свобода кажется нам столь же абсолютной, сколь и отвратительной. Отгородиться от нее можно только с помощью тех или иных суждений, оценок и мнений, которые сами по себе стоят столько же, сколько им противоположные. Они – только свидетельства нашего бессилия и затаенного страха. Поэтому познавать – значит не владеть и царствовать, но очерчивать магический круг, внутри которого можно мало-мальски сносно существовать, – круг, защищающий нас от чужой свободы, или от чего-то, что, быть может, еще и хуже всякой свободы. Тому, кто в этом убедился, остается, вероятно, только одно: предаваться размышлениям о сомнительности всех наших оценок и суждений, впрочем, оберегающих нас от того «мира», который, возможно, даже и не подозревает о нашем существовании. Будет ли это значить, что нам удалось вплотную подойти к разделяющей нас границе? Похоже, что нет. Ведь и высказанное здесь, как и все прочее, занято тем, что оберегает нас – хотя и на свой лад – от вторжения чужого. – Так может быть и вовсе оставить суждения и оценки? – Пожалуй, змее будет легче вернуться в сброшенную кожу.

17.

Пока Паскаль предавался послеобеденным размышлениям о достоинствах мысли, эта последняя пожрала все вокруг и набросилась на саму себя. – Теперь нам остается размышлять о достоинствах смеха.

18.

Какой хохот гуляет по изготовившейся к прыжку Вселенной Паскаля! Конечно, он не избавит нас от уготованного. Конечно, он – всего только ветер и звук, разносящие во все уголки ее сомнительную весть о достоинстве смеющегося. Конечно... Конечно... Но пока он гуляет по ее бесконечным коридорам и лабиринтам, – кто знает... кто знает...

19.

У того, кто своими руками отдал все, чтобы приобрести взамен ту жемчужину, которая дороже всех сокровищ мира, остается совсем немного, – смех и ирония. Они все же Нечто, тогда как все прочее обратилось в Ничто. К тому же это Нечто целиком принадлежит только мне; никто не в силах отнять его у меня или подчинить своим целям, пока я жив. Но над кем, собственно, мне смеяться и по какому поводу иронизировать? Станный вопрос. Разве еще осталось что-нибудь, что не могло бы послужить для этого поводом? Поэтому не станем останавливаться на частностях – они, как правило, вводят в заблуждение. И смех, и ирония обращены не столько к ним, сколько к тому, что за ними. Они обращены к Ничто, в какие бы маски это последнее не рядилось и какие бы звонкие песни ни распевало. Ведь и маски и песни существуют, скорее всего, только потому, что я еще не потерял способность смеяться! – вот вам еще одна неопровержимая истина, подарок Ничто, – истина, которую я принимаю с громким смехом, ибо только смех в состоянии обуздать ее чудовищный аппетит. – Итак, будем смеяться, чтобы не стать добычей хищников! Будем иронизировать, дабы волшебство не обратило нас в камни! И то, и другое – только метафизический инстинкт, оберегающий нас до поры до времени от последних следствий. К тому же, – и это, может быть, не менее важно, – они представляют собой отличное средство от скуки, которая есть, в конечном счете, скука умирения, – позволяя разглядеть во враге – партнера, а в убийце – приятного собеседника. Кто знает, может, так оно и есть. Тем более что других собеседников, насколько мне известно, у нас давно уже не осталось. – Итак, смех – моя застольная беседа с Ничто, ирония – дружеский спор во время вечерней прогулки по берегу реки, когда солнце уже наполовину скатилось за лес и сумерки неслышно окутывают берег, зажигая звезды, быть может, последней ночи.

20.

Не сама ли это Истина смеется над собой, чтобы сохранить свою истинность? Что же так рассмешило бедняжку? Не эта ли маленькая заповедь, с которой она всегда начинает свои уроки: смех неуместен.

21.

– Мы ничего не смыслим в театре! – с плохо скрываемым презрением говорят они, проходя мимо здания, за стенами которого метафизика дает свои представления. – Ну, разумеется! Кто всегда носит свой театр с собой, будучи одновременно и актером, и режиссером, и зрителем – тому, конечно, незачем тратить время на подобные развлечения. Подозреваю, правда, что когда придет последний акт вашей пьесы, вы заспешите, – пряча свои лица и обгоняя друг друга – прямиком к той двери, о которой еще совсем недавно вы ничего не желали слышать... Боюсь, впрочем, что вы найдете ее закрытой. Ведь всему свое время. К тому же каждая пьеса должна иметь свой собственный конец. – Впрочем – кто знает: быть может, именно это представление у запертых дверей окажется началом новой пьесы, которую ставит метафизика. Уверен, что она удастся ей также хорошо, как и все прочие.

22.

Чем больше истин обретаем мы на путях познания, тем их меньше у нас остается. Так, словно за каждое новое знание мы вынуждены платить цену, которая грозит нам неизбежным разорением. Познавать – значит терять. Конечно, мы догадались об этом только тогда, когда терять оказалось уже нечего. Поздно, поздно!.. Познание – дорога, ведущая в царство нищеты, и последняя Истина, которая встречает нас в конце пути, не богаче последней нищенки, ютящейся под мостом. Но эта наша Истина и дорога, ведущая к ней – наша дорога. О, как она серьезна, эта нищая и голодная Истина! С какой тоской взирает она на свое блестящее прошлое, кроме воспоминаний о котором у нее больше ничего не осталось. С какой охотой вспоминает пышные убранства своих дворцов! Что ж! Будем праздновать новое рождение в ее кругу, на голой земле, открытой всем ветрам. Возьмем ее богатства и будем пускать в небо фейерверки из опавших листьев и чужих символов, – пусть они освещают наши поступки и объясняют наши намерения. Окруженные толпой призраков и болотных огней, будем питаться снами и научимся узнавать друг друга по приметам, вычитанным из книг. И пусть этот праздник длится вечно. Нам некуда торопиться. Мы достигли цели. Мы дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.